

СТИХОТВОРЕНИЕ А.С. ПУШКИНА «ПРОРОК» В ПРОЧТЕНИИ ПРОТОИЕРЕЯ СЕРГИЯ (БУЛГАКОВА)

Яко оскуде преподобный

Изумительное и ужасное совершается в сей земле: пророки пророчествуют ложь, и священники господствуют при посредстве их, и народ Мой любит это (Иер.5:30,31).

Эти слова пророка Иеремии я хотел было взять эпиграфом к данной статье, но в итоге перенёс их пониже – в начало. Дело в том, что вынесенные в эпиграф, они подвигли бы читателя думать, что Пушкин является пророком, хотя бы и ложным, но именно эту мысль я пытаюсь оспорить данной статьёй.

Пушкин – не пророк, ни ложный, ни истинный, никакой. Или вы не согласны со мной, читатель? Или вы хотите вслед за о.С.Булгаковым, Ф.М. Достоевским, И.А. Ильиным и другими писателями взвалить на поэта тяжкую ношу пророческого служения? Хотите возложить на него страшную ответственность перед Богом и людьми – отвечать за свои поэтические слова как за пророческие?

Скажите, зачем это нужно Александру Сергеевичу? Зачем это нужно нам, его читателям и почитателям? Разве мало Пушкину звания гениального писателя, чьё мастерское владение пером никто и никогда не умалит, чтобы ему ещё звание пророка прибавлять? Или нам мало пророков, прославленных Церковью, четырёх великих и двенадцати малых? Или нам важно иметь собственного российского пророка, чтобы перед другими народами не было стыдно?

Стыд – благая сила, но стыдно-то как раз не то, что Бог не дал русской земле пророков, стыдно называть выдумку правдой, и не хранить той единственной правды, которая передаётся из поколения в поколение. Стыдно не беречь отеческого предания и сочинять взамен него пустые басни.

Можно извинить одарённого богатой фантазией писателя Достоевского, провозгласившего поэта Пушкина своим пророком, но как извинить призванного к умному трезвению священника, когда тот начинает выдумывать небылицы? Такой священник или плохо учился в семинарии, или не вполне понимает, кому и зачем он служит. Впрочем, при оскудении святости и поэты сойдут за пророков, при упадке веры и суеверие кажется верой, на безрыбье, как говорится, и рак рыба... Но перейдём к статье протоиерея Сергия.

«Надо считаться с тем, как умело таит себя Пушкин, и как был правдив и подлинен он в своей поэзии, при суждении об этих сравнительно немногих высказываниях, чтобы оценить во всем значении эти вехи сокровенного его пути к Богу. И эти вехи приводят нас к тому, что является не только вершиной пушкинской поэзии, но и всей его жизни, ее величайшим событием. Мы разумеем *Пророка*. В зависимости от того, как мы уразумеваем *Пророка*, мы понимаем и всего Пушкина. Если это есть только эстетическая выдумка, одна из тех, которых ищут литераторы, тогда *нет* великого Пушкина, и нам нечего ныне праздновать. Или же Пушкин описывает здесь то, что с ним самим было, т. е. данное ему видение божественного мира под покровом вещества?» (Везде курсив автора. – Г.С.).

Так пишет в 1937 году отец Сергей Булгаков в статье «Жребий Пушкина». Пишет, не мелочась: или Пушкин есть, или его нет, «и нам нечего ныне праздновать». А праздновали широко и шумно, все и всюду. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть имена авторов, написавших статьи к 100-летию пушкинской кончины. Белые и красные, советские и

антисоветские писатели низко склонялись перед своим гением по обе стороны разорванной надвое России.

Удивительное дело: те, кто беспощадно уничтожали друг друга в гражданской войне, теперь в согласии и мире сходятся почтить любимого поэта. Впрочем, объяснить эту перемену просто: как белые, так и красные одинаково мало любили Священное Писание, зато гораздо больше они любили стихи своего кумира.

Итак, по словам отца Сергия, решение вопроса о существовании поэта Пушкина зависит от уразумения стихотворения «Пророк». Если это эстетическая выдумка, тогда великого Пушкина нет, а если это видение божественного мира, тогда... Тогда читаем о. Сергия дальше.

«Сначала здесь (т.е. в стихотворении «Пророк». – Г.С.) говорится о томлении духовной жажды, которое его гонит в пустыню: уже не Аполлон зовет к своей жертве "ничтожнейшего из детей мира", но пророческий дух его призывает, и не к своему собственному вдохновению, но к встрече с шестикрылым серафимом, в страшном образе которого ныне предстает ему Муза. И вот:

Моих зениц коснулся он –
Открылись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон.
И внял я неба содроганье,
И горный ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.

За этим следует мистическая смерть и высшее посвящение (вставка о.Булгакова. – Г.С.).

И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал...

И после этого поэт призывается Богом к пророческому служению: «Исполнишь волею Моей». В чем же эта воля? «Глаголом *жги* сердца людей!» (курсив о.Булгакова. – Г.С.).

В этих словах о.Сергия удивляет лёгкость, с которой он заключает, что «поэт призывается Богом к пророческому служению». Из чего явствует это заключение? Из того, что Пушкин написал, что «Бога глас ко мне воззвал»? Но мало ли что напишут поэты? Или из того, что Пушкину явилась Муза в образе серафима? Кстати, обратим внимание на это выражение отца Сергия. По его словам, не серафим явился поэту, но Муза в «страшном образе» серафима. После такого признания тем более странно читать вывод, который делает священник, дескать, Бог призывает Пушкина на пророческое служение.

Какой «Бог»? На какое «пророческое» служение? Что понимает отец Сергей под «Богом»? Мне кажется, что в лице отца Сергия мы сталкиваемся с той разновидностью суеверия, которое изображается в советских учебниках по истории Руси, когда речь заходит о тёмных и невежественных крестьянах, не столько веровавших в Бога, сколько в болотных

нетопырей. Такой крестьянин рядом с иконами вешал подковы и **о**береги от сглаза. Так ведь и наш профессор, не моргнув глазом, ставит в один ряд Бога и Музу. Но в отличие от просвещённого отца Сергия «тёмный» крестьянин чистосердечно верил и иконе, и **о**берегу, а наш книжник не верит никому – ни Богу, ни Музе. Кому же он верит? Своему собственному велеречию. *Язык наш возвеличим, устны наша при нас суть: кто нам Господь есть?* (Пс.11:5).

К какому же пророческому служению может призвать «Бог», которому служит ангел по имени Муза? Знает ли отец Сергий, в чём заключается смысл пророческого служения истинному Богу? О, он всё знает. Он и нас с вами, уважаемый читатель, научит тому, что значит быть пророком. Только знает он всё это на словах. Ну, а сердцем? *О несмысленная и косная сердцем, еже веровати о всех, яже глаголаше пророцы! Не сия ли подобаше пострадати Христу и внити в славу Свою? И начен от Моисея и от всех пророк, сказаши има от всех Писаний, яже о Нем* (Лк.24:25-27). Вот цель и смысл пророческого служения – сказать о Нём!

Где же Пушкин в стихотворении «Пророк» говорит о Христе Боге? Нигде. Так какое же он пророческое служение совершает? Никакого. Неужели священник этого не знал? Конечно, знал. Зачем же городит огород Музами? *Ох-ох-ох, спаси мя Господи, яко оскуде преподобный, яко умалишиася истины от сынов человеческих. Суетная глагола кийждо ко искреннему своему: устны льстивыя в сердце, и в сердце глаголаша злая* (Пс.11:1-3).

Смерть смерти – рознь, даже мистически

Рассмотрим замечание о.Булгакова, сделанное им посредине стихотворения «Пророк»: «За этим следует мистическая смерть и высшее посвящение». Что значат эти слова?

Единственная мистическая смерть христианина это – принимаемая им в таинстве Крещения смерть для греха. *Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились? /.../ Так и вы почитайте себя мертвыми для греха, живыми же для Бога во Христе Иисусе, Господе нашем* (Рим.6:3,11).

Так каких ещё мистических смертей и высших посвящений искать христианину? Впрочем, помимо Крещения есть у христиан другая таинственная смерть и погребение. Я разумею монашеский постриг.

О значении и смысле пострига в «Последовании монашеского пострига (еже есть мантия)» говорится так: «Абие же игумен постригает верх главы его крестообразно, глаголя, и новое имя ему нарицая: «Брат наш (имя рек), постригает власы главы своея, в знамение отрицания міра, и всех яже в міре, и во отрезание своея воли, и всех плотских похотей, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа: рцем вси о нем, Господи, помилуй».

Монашеский постриг христианина можно назвать следующим после крещения умиранием для міра и, следовательно, следующей ступенью восхождения к Богу. Но в монашеской таинственной смерти ничто не вырывается и не вставляется человеку, и принявший постриг остаётся человеком, а не полуавтоматом с заменёнными частями.

«А как же отрезание воли, - спросит читатель, - которое символически совершается в монашеском постриге через пострижение волос?»

Отрезаются старые волосы в знак отложения ветхого человека, и будут расти новые волосы из тех же корней. То же совершается с волей человека. Отрезается прежняя греховная воля, и начинает расти новая воля в послушании и подчинении старцу, который должен этому

росту помочь. Но воля-то у человека не отнимается, она – обрезывается, чтобы росла новая воля. Эта новая, монашеская, Богоугодная воля будет укрепляться в отвержении прежней греховной воли, но это будет собственная воля монаха, выросшая в послушании, а не чья-то чужая, навязанная извне воля.

То же с пророками. Бог не отнимает воли у Своих пророков. Точнее сказать, Он только в исключительных случаях лишает их её (см. Числа, гл.24). Конечно, Бог строго требует от пророков послушания Себе, но никогда не вырывает их воли с корнем. Более того, Божие воздействие на пророков всегда опирается на их человеческие особенности: воспитание, образование, вкусы и т.д. Поэтому пушкинские слова «вырвал язык» и «вложил жало» не соответствуют сути христианских таинств и более напоминают масонский ритуал с завязыванием глаз черной повязкой.

Не на это ли «высшее посвящение» намекал отец Сергей, когда делал посредине стихотворения «Пророк» замечание о мистической смерти поэта? Я не берусь утверждать, но мне кажется, что завязывание глаз во время посвящения в масоны означает отказ человека от собственного зрения и предание себя в руки того, кто его водит. То есть символически проделывается нечто похожее на пострижение, когда новопостриженный монах предаёт себя в послушание старцу, однако два этих таинственных действия – завязывание глаз и пострижение волос – похожи только внешне, по сути же они различаются, как небо и земля. Почему? Потому что завязывание глаз равнозначно лишению зрения, т.е. отнятию у человека личной оценки окружающего мира и, стало быть, его воли. Тогда как в постриге воля у монаха не отнимается, но подчиняется духовному отцу. Здесь кроется принципиальная разница этих мистических смертей: у масона воля отнимается, а у монаха она – обрезывается.

Интересно заметить и следующее. Посвящаемый масон водится с завязанными глазами старшим масоном. Но ведь и старшему в своё время также завязывали глаза другой масон, которому тоже завязывали глаза... Что же выходит? Все масоны ходят с завязанными глазами? Непонятно, как этот очевидный и ужасный факт, что все масоны ходят с черными повязками на глазах, не приходит им в голову?

Впрочем, это не наше дело. Господь сказал Своим ученикам: *оставьте их: они – слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму* (Мф.15:14). И ещё сказал: *всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится* (Мф.15:13).

Читаем о.Булгакова дальше. «Если бы мы не имели всех других сочинений Пушкина, но перед нами сверкала бы вечными снегами лишь эта одна вершина, мы совершенно ясно могли бы увидеть не только величие его поэтического дара, но и всю высоту его призвания. Таких строк нельзя *сочинить* (курсив автора. – Г.С.), или взять в качестве литературной темы, переложения, да это и не есть переложение. Для пушкинского Пророка нет прямого оригинала в Библии. Только образ угля, которым коснулся уст Пророка серафим, мы имеем в 6-й главе кн. Исаии. Но основное ее содержание, с описанием богоявления в храме, существенно отличается от содержания пушкинского Пророка: у Исаии описывается явление Бога в храме, в Пророке явленная софийность природы. Это совсем разные темы и разные откровения. Однако, и здесь мы имеем некое обрезание сердца, Божие призвание к пророческому служению. Тот, кому дано было сказать эти слова о Пророке, и сам ими призван был к пророческому служению».

Опять мы видим скачущую, яко елень, мысль профессора. Сперва он пишет: «Это совсем разные темы и разные откровения». И тут же продолжает: «Однако, и здесь мы имеем некое обрезание сердца, Божие призвание к пророческому служению».

Мы тоже хотели сказать, что 6-я глава книги пророка Исаии и стихотворение А.С. Пушкина «Пророк» это совсем разные темы и разные откровения. Однако не замолчать, но заострить это противоречие мы намерены, утверждая, что образы стихотворения «Пророк»,

связанные с вырванным языком и вставленным углем, взяты из духовного мира, несогласного с духовным миром Священного Писания. И даже более, эти образы продиктованы нехристианским духом, ибо, если какой-либо дух не согласуется с Писанием и Преданием Церкви, то он чужд православию.

Откуда мы это знаем? От Господа, возвестившего через пророка Исайю православным христианам: *И вот завет Мой с ними, говорит Господь: Дух Мой, Который на тебе, и слова Мои, которые вложил Я в уста твои, не отступят от уст твоих и от уст потомства твоего, и от уст потомков потомства твоего, говорит Господь, отныне и до века* (Ис.59:21).

Однако, отказывая стихотворению «Пророк» в христианской образности, мы вступили в противоречие с начальными словами этой статьи, где говорили, что Пушкин – поэт, и только поэт. Оказывается, всё не так просто. Оказывается, как ни старались мы освободить Пушкина от пророческого служения и оставить ему одно только чистое искусство, приходится признать, что жизнь такова, что никуда в ней от политики не деться даже «поэзии ради поэзии».

Конечно, не о политике как таковой мы сейчас говорим, но о высшей жизненной правде. Никуда не деться в этой жизни от Христа Бога, сказавшего: *кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает* (Мф.12:30). И эти Христовы слова есть та главная «политическая линия», та высшая правда, на которую если закроешь глаза в жизни временной, то закроешь их для Бога навечно, навсегда.

Глаголом лести сердца людей

О.Булгаков пишет: «Таких строк (т.е. стихотворение «Пророк». – Г.С.) нельзя *сочинить*, или взять в качестве литературной темы, переложения, да это и не есть переложение». Но если таких строк нельзя сочинить, значит, они были получены как откровение? Значит, мы тем более правы, когда, опираясь на замеченную самим о.Булгаковым разницу, говорим, что пушкинское откровение и откровение пророка Исаии получены ими из разных духовных миров. В чём же разница?

У пророка Исаии сказано: *Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника, и коснулся уст моих и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен* (Ис.6:6-7). А у Пушкина: «И он мне грудь рассек мечом, / и сердце трепетное вынул, / и уголь, пылающий огнем, / во грудь отверстую водвинул».

Разница в том, что Исаиных уст уголь только коснулся в знак очищения от мирской скверны. Так символически с пророком совершилось то, что совершается с верующими в христианском крещении и монашеском пострижении – очищение от греха. А у Пушкина сердце было не обрезано, но вырезано и заменено углем. Поэтому странно читать булгаковские слова: «Однако, и здесь мы имеем некое обрезание сердца, Божие призвание к пророческому служению».

У Пушкина чёрным по белому написано: «и сердце трепетное вынул», а о.Булгаков пишет: «мы имеем обрезание сердца». То есть читает не то, что написано, а то, что хочется прочесть. Обрезание сердца через касание уст углем совершается вовсе не у поэта Пушкина, а у пророка Исаии.

Нет нужды говорить, что у них обоих описаны не действительные события, но образы. Ибо, если бы настоящий уголь коснулся уст пророка, то он не смог бы говорить, и если бы сердце действительно было вынуто из груди поэта, он не написал бы стихотворения. Но мы-то знаем, что образы диктуются личностями. Мы знаем, что за образом всегда стоит тот, кто через вкладываемый в ум человека образ хочет научить его подражать себе.

И мы видим совершенно различную природу пророческого и пушкинского образов, ибо у поэта не только язык заменяется на жало, но и самое сердце вырывается, чтобы водворить на его место «уголь, пылающий огнём», а у пророка уголь всего-навсего касается его уст. Почему? По причине всё той же разницы, которую мы увидели между обрядом монашеского пострижения и ритуалом масонского посвящения. В первом воля человеческая обрезывается, а во втором – стирается и заменяется иной волей. В первом совершается болезненное очищение человека, а во втором – уничтожается его личность.

Дорогой читатель, если вы хотите счесть меня за очередного писателя, сочиняющего сто первый взгляд на гениальное пушкинское стихотворение, пожалуйста, сочтите меня за очередного писателя, я не возражаю. Но если доводить до окончательной ясности сопоставление образов Исаии с образами Пушкина, то итоговая картина открывается такая.

Если и призван был поэт Пушкин на пророческое служение, то не тем Богом, Который призвал пророка Исайю, потому что никогда Бог Исаии не позволит Себе вырвать человеческие сердце и язык. Он их смиренно просит: *Сын мой! отдай сердце твое Мне, и глаза твои да наблюдают пути Мои* (Прит.23:26). Следовательно, если и было дано откровение поэту Пушкину, то из духовного мира, чуждого миру пророка Исаии.

Образы Исаии уже потому не могут совпадать с образами Пушкина, что если у пророка Господь просит сердце, чтобы показать ему Свои пути ко спасению и вечной жизни, то у масонов, вернее у того, кто за ними стоит, мы должны подозревать обратное. При той чрезвычайной скрытности, которой окружают себя масоны, что нам остаётся думать? Остаётся думать, что самый главный масон всех лож – диавол – просит своих «братьев» и «сыновей»: «Вырвите мне ваши сердца и завяжите глаза, чтобы они не видели путей моих, потому что они ведут в погибель».

Кто же призвал Пушкина? Судя по всему, с поэтом произошло именно то, чего боится всякий верующий человек, и чего избежать умоляет Господа, например, преподобный Симеон Новый Богослов в молитве ко Святому Причащению: «да не кроме обрет мя Твоя благодати, прелестник восхитит мя льстивне, и прельстив отведет Боготворящих Твоих словес».

Обольститель предстал поэтическому взору Пушкина в образе серафима и велел ему: «исполнись волею моею». Поэтому в последней строке стихотворения «Пророк» вместо слова «жги» надо читать слов «льсти» – глаголом льсти сердца людей.

Современный исследователь творчества Пушкина К.Кедров в статье «Под градусом Пушкина» пишет, что в «Пророке» «описаны все стадии масонского посвящения в кишиневской ложе «Овидий». Повязка на глазах – деталь обряда, символ духовной слепоты. /.../ Таким же знаком было символическое рассечение груди, когда к ней приставляли циркуль, по которому ударял молотком мастер. «И он мне грудь рассек мечом, / И сердце трепетное вынул, / И уголь, пылающий огнем, / Во грудь отверстую водвинул». Иногда посвящаемый ложился в гроб, чтобы потом воскреснуть к новой жизни. «Как труп, в пустыне я лежал». Снятие повязки с глаз изображено как высшее озарение: «Отверзлись вещи

зеницы, / Как у испуганной орлицы. / И внял я неба содроганье, / И горний ангелов полет, / И гад морских подводный ход, / И дольней лозы прозябанье...»

В завершение рассмотрим ещё одно предложение отца Сергия Булгакова: «Тот, кому дано было сказать эти слова о Пророке, и сам ими призван был к пророческому служению».

Что это? Это высший словесный пилотаж. Это восхитительная мёртвая петля, закрученная легкокрылым пером отца Сергия на разуме читателя. Но ведь стоило только немного задуматься о написанном, чтобы увидеть бездонную пустоту этого предложения.

Тот, кому было дано сказать слова, был призван этими словами... Это предложение – словесный идол, которого отец Сергей воздвиг перед читателями. Это именно *ничто*, как называет идолов апостол Павел, говоря: *идол в мире ничто* (1Кор.8:4). Почему же *ничто*? Потому что, чтобы слова призвали, необходимо, чтобы они были прежде сказаны, не так ли? Если же слова не сказаны, то как они могут призвать?

Попробуем всё же разобраться, что хотел сказать отец Сергей этим предложением? Может, он хотел сказать, что поэт Пушкин был призван на пророческое служение тем духом, который внушил ему стихотворение «Пророк»? Эта мысль понятна. Почему же нельзя было её так или примерно так сказать? Вероятно, потому, что тогда не вышло бы той головокружительной заумности, которую мы видим в предложении о Сергия? В оцепеневающем восторге смотрю я на сотворённого в одном предложении словесного идола и чувствую, что лишаюсь разума.

Непревзойдённого мастера словесных фигур о Сергия Булгакова я не в силах понять, и потому не дерзаю читать его книг. Зато стоит на моей книжной полке томик пушкинской поэзии, подаренный мне по окончании Духовной семинарии её начальством. Зачем подаренный? Зачем стоит?

В предисловии этого сборника некто Н.Скатов пишет очередные умные слова: «Пушкинский «Пророк» вырастает из тысячелетий. Более того, сравнительная сдержанность и повествовательность ветхозаветного текста (сюжет обращает нас к библейскому пророку Исаии) у Пушкина сменяется неистовой страстностью, усвоенной поэтом в мусульманской книге пророчеств. Пушкинский пророк как бы заключил в себе Библию, усиленную Кораном».

Что на это сказать? Время идёт неумолимо, и скоро мы все дадим ответ за свои слова и дела на Страшном Божиим Суде.